

Т. И. Заворина

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия*

t_z70@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ СИМВОЛИЧЕСКОГО ОБРАЗА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОСТРАНСТВЕ ТЕКСТА (НА ПРИМЕРЕ ПРОПОВЕДЕЙ И. ГАЛЯТОВСКОГО НА ДЕНЬ ПАМЯТИ АПОСТОЛОВ ПЕТРА И ПАВЛА)

Процессы секуляризации и развития барочного стиля внесли ряд изменений в систему символов церковнославянского языка, вызванные причины и характер которых нуждаются в изучении. С этой точки зрения анализируются проповеди на день памяти верховных апостолов Петра и Павла, вошедшие в сборник проповедей Иоанникия Галятковского «Ключ разумения» (Киев, 1659–1660 гг.). Одно из изданий сборника хранится в отделе редких книг и рукописей Государственной публичной научно-технической библиотеки (г. Новосибирск). Творческое наследие И. Галятковского изучено мало, а между тем он является одним из самых ярких и талантливых южнорусских проповедников XVII в.

В фокусе исследования находится именно проповедь, так как секуляризация коснулась прежде всего устных жанров церковнославянского языка, самым важным из которых является проповедь, непосредственно направленная на слушателя. Оставаясь религиозной и по содержанию, и по функции, проповедь получила новые формы выражения, новые способы изображения, заимствованные из барокко, которые отражали авторскую позицию описываемых событий или явлений. Кроме того, язык проповеди тесно сблизился с народным языком.

Рассматривается проблема «статуса» основного средства изображения барочного текста – символа, утраты им «идеальной» составляющей. Для автора барокко художественная ценность символа, его «семантическая растяжимость», способность вызывать ассоциации становятся важнее традиции употребления. Процесс распада символа на отдельные смысловые ряды, его обновление через метафорическое сравнение, сопоставление, формирование символично-метафорической картины мира барокко представлены в настоящей работе.

Новый творческий метод работы с текстом – аллегорическая амплификация – определяет новое отношение автора к тексту как к объекту дискурсивного анализа. В рамках этого метода Священное Писание дробится на ряд аллегорических фрагментов, разъяснением которых занимаются писатели и проповедники барокко. Возникает вопрос, какими приемами и нарративными источниками пользуется писатель барокко, стараясь потрясти воображение слушателя, почему традиционные символы «тонут» в смысловых импровизациях автора.

Процессом секуляризации вызваны и повышенный интерес ко всему новому, необычному, внимание к вторичным, несущественным деталям, признакам, значениям, стремление объяснить символическое значение, исходя из реальных свойств предмета. Можно сделать вывод, что все подобные метаморфозы ведут к утрате символом возвышенности, идеальности, традиционной лаконичности изображения. Появление так называемых «оригинальных символов» показывает, что символом может стать любое слово, встречающееся в Священном Писании хотя бы один раз и имеющее образный компонент семантики.

Ключевые слова: церковнославянский язык, проповедь, амплификация, символ, художественный образ, метафора.

Основным средством художественного изображения в церковнославянском языке является символ. Его главные черты – знаковая, узнаваемость, интертекстуальный характер, традиция использования и моти-

вированность употребления текстами Священного Писания.

В XVII в. происходит секуляризация русского языка, и в частности церковнославянского как одной из его форм. Изменения

Заворина Т. И. Трансформация символического образа в художественном пространстве текста (на примере проповедей И. Галятковского на день памяти апостолов Петра и Павла) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2015. Т. 14, вып. 2: Филология. С. 93–99.

в церковнославянском языке коснулись прежде всего устных жанров, а именно проповеди, которая непосредственно была обращена к слушателю и должна быть доступной, убедительной, яркой, выразительной, назидательной и строго следовать христианским догматам. Оставаясь религиозной и по содержанию, и по функции, проповедь получила новые формы выражения, новые способы изображения, заимствованные из барокко, которые отражали авторскую позицию описываемых событий или явлений.

Цель нашей работы – рассмотреть изменение такой идеальной категории, как символ, в жанре церковного красноречия – проповеди – в связи с секуляризацией языка.

Источником для исследования послужил сборник проповедей Иоанникия Галятовского «Ключ разумения», который был издан в Киеве в 1659 г. А в 1660 г. в Киеве вышло приложение к нему – «Казаня, приданныи до книги Ключ разумения», «Наука короткая, албо способ зложения казаня» и «Чуда пресвятой Богородици некоторые». Одно из немногочисленных изданий этого сборника хранится в отделе редких книг и рукописей Государственной публичной научно-технической библиотеки (Новосибирск). Оно представляет собой объединение вышеуказанных сочинений Галятовского и собранных в одну книгу. Это одна из так называемых храмовых книг – ранее она передавалась в пользование храму, о чем свидетельствует соответствующая надпись в книге.

Исследователь творчества южнорусских авторов XVII в. Н. Ф. Сумцов выделяет И. Галятовского из всех современных ему проповедников «по умственным дарованиям и начитанности»; «...лучшие литературные произведения принадлежали его перу. В Галятовском Южная Россия нашла талантливого и ученого деятеля, бойца за православие» [1884. С. 2].

В определении нового творческого метода работы автора с текстом мы следуем за Л. В. Левшун, которая называет его аллегорической амплификацией (от лат. *amplificatio* – «расширение»). «Священное Писание воспринимается автором как ряд аллегорий, в которых сокрыта Истина» [2009. С. 121]. Текст полон загадок, «иероглифов» (поэтому особенно популярны Апокалипсис и разные «видения» пророков). «Задача автора – расшифровать хотя бы некоторые из них...»

[Там же], и расшифровка эта может быть самой неожиданной, непредсказуемой.

Священное Писание как бы «препарируется» автором. Из него извлекаются все возможные смыслы, насколько это позволяет сделать авторская эрудиция. И смыслы эти могут быть ассоциативными, весьма отдаленными друг от друга. Для автора важен не результат, а сам процесс, так как именно в процессе он может показать свое мастерство [Там же. С. 121–122]. Ему интересно показать не то общее, традиционное, типологическое, что знала древнерусская литература, а найти нечто новое, не увиденное ранее, раскрыть доселе не известное, удивить, потрясти воображение слушателя. Поиск нового предполагает большую свободу творчества, большую свободу в интерпретации.

Естественно, что при таком методе работы (аллегорическая амплификация) символ становится очень вариативным, он может развивать новые значения, может «дробиться» в тексте, создавая цепочки новых символично-метафорических образов, связанных друг с другом лишь ассоциативно [Бычков, 1999. Т. 2. С. 153–162]. Традиционная символика как бы тонет в смысловых импровизациях автора, который, занимаясь эгзегетикой, пытается найти все новые смыслы и значения известных символов. Для него важно привлечь как можно больше дополнительного материала, привести как можно больше ссылок, словно авторитетности самого Священного Писания уже и недостаточно. Повышенный интерес ко всему новому, необычному; внимание к вторичным, несущественным деталям, признакам, значениям; попытки автора создать новые символы, а также стремление объяснить символическое значение, исходя из реальных свойств предмета, – все это снижает сакральную целостность символа, переводит его из мира «верхнего», мира идей, в «мир дольний», мир вещей.

Для анализа мы использовали проповеди на день памяти верховных апостолов Петра и Павла. В современном православном сознании образы апостолов слились в единое целое, поэтому слова, сказанные о Петре и Павле блаженным Августином более пятнадцати веков назад, звучат сегодня актуально, как никогда: «В один день совершаем память страдания апостолов этих, ибо, хотя они пострадали и в разные дни, но по духу

и по близости страданий своих они составляют одно»¹.

Символами апостолов у Иоанникия Галатовского являются: 2 кланяющихся снопка, 2 пестрых прутка / палки, 2 светила (луна и солнце), 2 каменные скрижали, 2 золотых херувима, 2 серебряные трубы, 2 медных столпа, 2 сосца.

Эпиграфом к первому Слову служит строка из Псалтыри: $\text{O}\ddot{\text{I}}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{y}}\ddot{\text{u}}\ddot{\text{a}} \text{ o}\ddot{\text{w}}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{o}}\ddot{\text{b}} \text{ e} \text{ i}\ddot{\text{e}}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{e}}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{o}}\ddot{\text{o}}\ddot{\text{y}}\ddot{\text{u}}, \text{ i}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{o}}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{r}}\ddot{\text{u}}\ddot{\text{a}} \text{ nE}\ddot{\text{I}} \text{ a}\ddot{\text{I}}\ddot{\text{a}} \text{ n}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{I}}\ddot{\text{y}}, \text{ A}\ddot{\text{d}}\ddot{\text{y}}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{o}}\ddot{\text{u}}\ddot{\text{a}} \text{ a}\ddot{\text{a}} \text{ i}\ddot{\text{o}}\ddot{\text{e}}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{o}}\ddot{\text{b}} \text{ d}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{i}}\ddot{\text{n}}\ddot{\text{o}}\ddot{\text{I}}\ddot{\text{p}}, \text{ a}\ddot{\text{c}}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{i}} \text{ e}\ddot{\text{r}}\ddot{\text{u}}\ddot{\text{a}} \text{ d}\ddot{\text{o}}\ddot{\text{e}}\ddot{\text{i}}\ddot{\text{y}}\ddot{\text{o}}\ddot{\text{e}} \text{ n}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{I}}\ddot{\text{y}}$ (Пс. 125 : 6).

Вся проповедь – это развернутое объяснение строки псалма, с привлечением многочисленных аналогий, сопоставлений, сравнений и образов. Толкование каждого фрагмента является законченной самостоятельной частью проповеди, и в конце каждой части дано обобщение – вывод, в котором раскрывается аллегорический (духовный) смысл строки в сопоставлении с трудами апостолов.

В раскрытии фрагмента «метающее семя своя» автор вводит в повествование две притчи – о зерне (Иоан.12 : 24) и о сеятеле (Лк. 8 : 5). Сначала автор приводит традиционные символические значения: в притче о зерне Иисус Христос – *зерно*, а в притче о сеятеле Иисус Христос – *сеятель*, *зерно* – слово Божье, а *земля* – сердце человека и сам человек. $\text{O}\ddot{\text{I}}\ddot{\text{a}} \text{ c}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{d}}\ddot{\text{i}}\ddot{\text{I}} \text{ i}\ddot{\text{o}}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{i}} \text{ e}\ddot{-} \text{ i}\ddot{\text{I}}\ddot{\text{a}} \text{ O}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{r}}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{I}} \text{ A}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{P}}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{i}} \text{ nE}\ddot{\text{y}}\ddot{\text{e}}\ddot{\text{e}} \text{ a}\ddot{\text{u}} \text{ n}\ddot{\text{d}}\ddot{\text{o}}\ddot{\text{b}} \text{ n}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{I}}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{i}} \text{ u} \text{ a}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{d}}\ddot{\text{o}}\ddot{\text{I}}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{i}}\ddot{\text{u}}\ddot{\text{e}} \text{ a}\ddot{\text{i}}\ddot{\text{s}}\ddot{\text{u}} \text{ i}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{o}}\ddot{\text{d}}\ddot{\text{u}} \text{ e} \text{ i}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{e}}\ddot{\text{u}} \text{ e} \text{ n}\ddot{\text{o}}\ddot{\text{P}}\ddot{\text{a}}.$

И сразу, чтобы потрясти воображение читателя, автор рассказывает о явленных чудесах (тяга к чудесам вообще свойственна барочной проповеди). И здесь при растолковании символа перевес оказывается на «материальной» стороне, причем настолько ощутимо, что перед нами уже не образ, а именно предмет. Символ как бы «материализуется», автор доказывает, что в сердце можно буквально посеять Христа, и многие мученики подтвердили это.

Так, св. мученик Игнатий (ученик евангелиста Иоанна) все время думал о Христе, а когда он умер, то $\text{i}\ddot{\text{i}}\ddot{\text{d}}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{d}}\ddot{\text{o}}\ddot{\text{e}} \text{ a}\ddot{\text{u}}\ddot{\text{i}}\ddot{\text{y}}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{o}}\ddot{\text{e}} \text{ c} \text{ i}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{i}} \text{ n}\ddot{\text{d}}\ddot{\text{o}}\ddot{\text{a}}, \text{ d}\ddot{\text{i}}\ddot{\text{c}}\ddot{\text{d}}\ddot{\text{E}}\ddot{\text{c}}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{e}}\ddot{\text{e}} \text{ i}\ddot{\text{a}} \text{ a}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{i}}\ddot{\text{a}}, \text{ e} \text{ c}\ddot{\text{i}}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{o}}\ddot{\text{e}}\ddot{\text{e}} \text{ d}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{i}} \text{ u} \text{ z}\ddot{\text{i}}\ddot{\text{e}}\ddot{\text{i}}\ddot{\text{o}}\ddot{\text{u}}\ddot{\text{i}} \text{ e} \text{ eE}\ddot{\text{o}}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{d}}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{i}} \text{ e} \text{ i}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{i}}\ddot{\text{e}}\ddot{\text{n}}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{i}}\ddot{\text{I}}\ddot{\text{a}} \text{ E}\ddot{\text{i}} \text{ y} \text{ z}\ddot{\text{n}}\ddot{\text{9}}\ddot{\text{O}}\ddot{\text{n}}\ddot{\text{9}}$

Так, св. Маргарита (жемчужина) все время думала о Рождестве Иисуса Христа, а когда она умерла, то в сердце ее нашли прекрасную жемчужину ($\text{e}\ddot{\text{i}} \text{ o}\ddot{\text{I}}\ddot{\text{a}} \text{ a}\ddot{\text{i}} \text{ o}\ddot{\text{r}} \text{ i}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{d}}\ddot{\text{e}}\ddot{\text{o}}$), на которой был запечатлен образ Рождества Христова, и на нем сама Маргарита стояла на коленях перед младенцем Христом, лежащим в яслях.

Так, св. Клара все время думала о муках Христа: о терновом венце, о столпе бичевания, о кресте и т. п. А когда она умерла, то $\text{c}\ddot{\text{i}}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{o}}\ddot{\text{e}}\ddot{\text{e}} \text{ a} \text{ n}\ddot{\text{d}}\ddot{\text{o}}\ddot{\text{b}} \text{ a}\ddot{\text{e}} \text{ O}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{r}}\ddot{\text{i}}\ddot{\text{a}} \text{ E}\ddot{\text{d}}\ddot{\text{o}}\ddot{\text{E}} \text{ d}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{n}}\ddot{\text{i}}\ddot{\text{y}}\ddot{\text{o}}\ddot{\text{I}}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{w}}, \text{ c}\ddot{\text{i}}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{o}}\ddot{\text{e}}\ddot{\text{e}} \text{ aE}\ddot{\text{i}}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{o}}\ddot{\text{u}} \text{ d}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{d}}\ddot{\text{i}}\ddot{\text{I}}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{u}}\ddot{\text{e}}, \text{ c}\ddot{\text{i}}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{o}}\ddot{\text{e}}\ddot{\text{e}} \text{ n}\ddot{\text{o}}\ddot{\text{i}}\ddot{\text{e}}\ddot{\text{i}} \text{ u} \text{ e} \text{ e}\ddot{\text{i}} \text{ o}\ddot{\text{u}}\ddot{\text{e}} \text{ e}\ddot{\text{i}} \text{ n}\ddot{\text{o}}\ddot{\text{d}}\ddot{\text{o}}\ddot{\text{i}} \text{ a}\ddot{\text{i}} \text{ d}\ddot{\text{a}} \text{ i} \text{ o}\ddot{\text{e}}\ddot{\text{e}} \text{ O}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{P}}\ddot{\text{e}}.$

А далее, говоря о деяниях апостолов Петра и Павла, автор употребляет в переносном, метафорическом, значении слова *зерно*, *сеятель* и *сеять*. *Сеятелями* названы апостолы, которые *сеют* в сердцах людей зерна добрых дел, зерна слова Божьего; и в конце жизни *сеют* в землю, как зерна, свои тела. В качестве подтверждения он приводит слова апостола Павла: $\text{N}\ddot{\text{E}}\ddot{\text{y}}\ddot{\text{e}} \text{ n}\ddot{\text{e}}\ddot{\text{o}}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{i}}\ddot{\text{n}}\ddot{\text{o}}\ddot{\text{I}}\ddot{\text{p}}, \text{ n}\ddot{\text{e}}\ddot{\text{o}}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{i}}\ddot{\text{n}}\ddot{\text{o}}\ddot{\text{I}}\ddot{\text{p}} \text{ i}\ddot{\text{i}}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{e}}\ddot{\text{i}}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{o}}\ddot{\text{u}}, \text{ a} \text{ nE}\ddot{\text{y}}\ddot{\text{e}} \text{ a}\ddot{\text{u}} \text{ a}\ddot{\text{e}}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{i}}\ddot{\text{I}}\ddot{\text{e}}, \text{ a}\ddot{\text{u}} \text{ a}\ddot{\text{e}}\ddot{\text{s}}\ddot{\text{i}} \text{ n}\ddot{\text{e}}\ddot{\text{i}}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{i}} \text{ i}\ddot{\text{e}} \text{ i}\ddot{\text{i}}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{e}}\ddot{\text{i}}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{o}}\ddot{\text{u}} \text{ (2 Кор. 9 : 6).}$ *Зерном* называются милостыня, *уе́* *бáе́*, и добрые дела: $\text{N}\ddot{\text{E}}\ddot{\text{y}}\ddot{\text{e}}\ddot{\text{e}} \text{ d}\ddot{\text{o}}\ddot{\text{I}}\ddot{\text{a}} \text{ i}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{n}}\text{E}\ddot{\text{i}}\ddot{\text{u}}\ddot{\text{a}}, \text{ y}\ddot{\text{e}}\ddot{\text{i}} \text{ o}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{e}}\ddot{\text{i}}\ddot{\text{o}}, \text{ a}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{d}}\ddot{\text{o}}\ddot{\text{I}}\ddot{\text{I}}\ddot{\text{u}}\ddot{\text{e}} \text{ a}\ddot{\text{i}}\ddot{\text{s}}\ddot{\text{u}} \text{ i}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{o}}\ddot{\text{d}}\ddot{\text{u}} \text{ e} \text{ i}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{e}}\ddot{\text{u}}, \dots \text{ a}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{e}}\ddot{\text{e}} \text{ o}\ddot{\text{i}}\ddot{-} \text{ d}\ddot{\text{u}}\ddot{\text{i}} \text{ u} \text{ c}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{i}}\ddot{\text{d}}\ddot{\text{i}}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{a}}, \text{ i}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{d}}\ddot{\text{o}}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{u}}\ddot{\text{i}} \text{ u} \text{ a}\ddot{\text{e}}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{i}}\ddot{\text{d}}\ddot{\text{o}}\ddot{\text{u}} \dots$ Затем приведены обширные примеры из деяний апостолов.

Раскрывая символическое значение *зерно* – ‘слово Божье’ ($\text{i}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{n}}\text{E}\ddot{\text{i}}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{i}} \text{ u} \text{ i}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{c}}\ddot{\text{u}}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{d}}\ddot{\text{o}}\ddot{\text{h}}\ddot{\text{y}} \text{ N}\ddot{\text{e}}\ddot{\text{i}}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{i}} \text{ A}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{P}}\ddot{\text{a}}$), автор вводит в повествование известную притчу о сеятеле (Лк. 8 : 5) и сначала дает к ней подробный комментарий в традиционном ключе: *сеятель* – ‘Иисус Христос’, *зерно* – ‘слово Божье’, *птица при дороге* – ‘дьявол’, *тернии* – ‘суета, мирские заботы’ и т.д., а затем в образе сеятелей показывает Петра и Павла: $\text{N}\ddot{\text{E}}\ddot{\text{y}}\ddot{\text{e}}\ddot{\text{e}} \text{ d}\ddot{\text{o}}\ddot{\text{I}}\ddot{\text{a}} \text{ i}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{n}}\text{E}\ddot{\text{i}}\ddot{\text{y}} \text{ (зерно)} \text{ n}\ddot{\text{e}}\ddot{\text{i}}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{i}} \text{ A}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{P}}\ddot{\text{a}} \text{ i}\ddot{\text{a}} \text{ n}\ddot{\text{d}}\ddot{\text{o}}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{b}}\ddot{\text{u}} \text{ e}\ddot{\text{p}}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{n}}\ddot{\text{e}}\ddot{\text{e}}\ddot{\text{o}}\ddot{\text{u}} \text{ A}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{d}}\ddot{\text{o}}\ddot{\text{I}}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{i}}\ddot{\text{u}}\ddot{\text{e}} \text{ a}\ddot{\text{i}}\ddot{\text{s}}\ddot{\text{u}} \text{ i}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{d}}\ddot{\text{d}} \text{ e} \text{ i}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{e}}\ddot{\text{u}}, \text{ a}\ddot{\text{i}} \text{ i}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{o}}\ddot{-} \text{ a}\ddot{\text{e}}\ddot{\text{e}} \text{ e}\ddot{\text{p}}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{e}} \text{ aE}\ddot{\text{d}}\ddot{\text{u}} \text{ e} \text{ u}\text{-e}\ddot{\text{i}}\ddot{\text{e}}\ddot{\text{i}}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{u}} \text{ (дел)} \text{ a}\ddot{\text{i}}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{d}}\ddot{\text{u}}\ddot{\text{o}}\ddot{\text{u}}, \text{ o}\ddot{\text{i}}\ddot{-} \text{ a}\ddot{\text{y}}\text{-e} \text{ i}\ddot{\text{i}} \text{ n}\ddot{\text{a}}\text{E}\ddot{\text{o}}\ddot{\text{b}}.$

И в завершении толкования этого фрагмента И. Галятовский циклично возвращается к первой притче – о зерне, в которой лексема *зерно* получает новое значение – ‘тело человека’: $\text{i}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{n}}\text{E}\ddot{\text{i}}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{i}} \text{ u} \text{ i}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{c}}\ddot{\text{u}}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{d}}\ddot{\text{o}}\ddot{\text{h}}\ddot{\text{y}} \text{ dE}\ddot{-} \text{ e}\ddot{\text{i}} \text{ i}\ddot{\text{a}}\ddot{\text{o}}\ddot{\text{a}}$. Обращаясь к слушателю, проповедник назидательно поясняет, что, как зерно, попав в землю, должно погибнуть, что-

¹ <http://days.pravoslavie.ru>

бы прорасти, так и тело человека после смерти «прорастет», восстанет в судный день: ðēōū āāū ūī ēðāāðū, ñEēðū ðEēī āāw āū çāī ēē, īīðūī ū wīī çīīāō āūðīñāōū āū āīϑ wñāōīīé... Так и верховные апостолы ðīā īāñEīū, ðEēā ñāīē ñEūēē īā çāī ēē, āī āāēē ðEēā ñāīē īā īōēē ē īā ñī ðōū çā Ōa9

Таким образом, объединение в одном фрагменте двух притч позволило автору наиболее полно, многогранно показать символику слов *зерно*, *сеятель*, *земля*, воскресив в памяти слушателя евангельские события.

Раскрывая смысл последнего фрагмента āçāī ēpūā ðbēīūðē (снопы) ñāīū..., автор поясняет: ðbēīūðē ñī wīēē çīā-āðū (снопы, урожай), в духовном смысле – это означает видение лица Божьего. Как люди на земле насыщаются урожаем, так святые на небе насыщаются духовной пищей, трапезой духовной – видением лица Бога: Ōūī ū āē-āEīīāī ū ēēōā Aæñāī āōāōōū īāñūāðēñū.

Ассоциативно для амплификации автор вводит в проповедь рассказ о сне Иосифа (Быт. 37 : 7) о *снопе стоящем* (означает Иосифа) и *снопках кланяющихся* (означают его братьев). Поскольку одним из прообразов Иисуса Христа в Ветхом завете является Иосиф, автор разъясняет: ñīīī ñōīū-īé – ‘Иисус Христос’, а ñīīīēē ēēāīūp-īēñū – ‘апостолы Петр и Павел’. Таким образом, лексема *снопки* имеет в тексте 2 символических значения: 1) ‘духовные плоды, урожай’; 2) ‘апостолы Петр и Павел’. На основании первого значения ‘духовные плоды’ автор весьма вольно создает новый символ, не имеющий традиции употребления: Петр и Павел – *пестрые прутья*, ссылаясь на книгу Бытия (Быт. 30 : 37–41). В этом отрывке рассказывается, как праотец Иаков клал в корыта, из которых пил скот, *путья пестрые*, и скот, глядя на эти *пестрые прутья*, зачинал добрый плод, и родился *пестрый* скот, который Иаков оставлял себе. В основу сравнения здесь положен общий и весьма отдаленный признак – «рождение доброго плода», а также очень значимо слово *пестрый*, или *испещренный*, в данном контексте – ‘испещренный добрыми делами, добродетелями’.

Далее автор создает развернутую символично-метафорическую картину (частично в переводе на русский язык): «Православные христиане, и мы имеем те *пестрые прутья*,

верховных апостолов Петра и Павла, которые разными добродетелями и добрыми делами, как разными пестротинами, украшены, и посмотрим же и мы на те пестрые прутья, на св. верховных апостолов Петра и Павла, посмотрим на их житие, и глядя на них, āōāāī ī āū ñōō ñāīāī ū çā-ēīāðē īēīāū īñōðūé, āōāāī ī ā ñōō ñāīāī ū īEðē ðīç-ī àèðūā ðīīðū (добродетели), ē āīāðūē ū-ēīēē (дела), ūēū ðīçī àèðūē īñōðīē-īū...

Во втором Слове на верховных апостолов Петра и Павла автор использует и традиционную символику, но творчески перерабатывает ее, наполняя новым содержанием, и создает новый символический образ: *два светила (луна и солнце)*, *две каменные скрижали*, *два золотых херувима*, *две серебряные трубы*, *два медных столпа*, *два сосца*.

Эпиграфом к проповеди служит строчка из Апокалипсиса, в которой апостолы названы привычными традиционными символами, повторяющимися во введении несколько раз: āāā īāñēēīū ē āāā ñāEūīēēā. Но с художественной стороны эти образы не интересны для проповедника, так как являются просто номинативными единицами. Автор видит свою задачу в другом – показать, как он сам говорит, другие, новые «имена» (символы) апостолов и объяснить их.

Используя прием аллегорической амплификации, Галятовский значительно «расширяет» проповедь, обновляет значение символов, выстраивает их в определенном порядке. На первый взгляд, может показаться, что они выбраны произвольно. Но автор, глубоко знающий Священное Писание, ничего не делает случайно, он располагает символы в хронологической последовательности по источнику заимствования: Бытие – Исход – Числа – Третья книга Царств – Песнь Песней Соломона. Кроме того, все эти символы формально объединяются по общему признаку – числу «2», которое символизирует «парность», нераздельную слитность, единство (Петр и Павел изображаются обычно вместе). Следует отметить, что каждый из этих символов, с одной стороны, ярко и убедительно передает идею избранности и особой близости к Богу верховных апостолов, а с другой – доверительно показывает их покровительство и постоянную помощь людям. Рассмотрим подробнее способы работы автора с символическим образом.

Петр и Павел – *два светила*: Петр – *солнце*, Павел – *луна*. В Священном Писании символика солнца очень разнообразна. Основные символические значения слова *солнце*: 1) сам Господь как источник всякого света и благодати (Пс. 83 : 12); 2) слово Божье (Пс. 18 : 2–7); 3) Господь Иисус Христос, второе лицо Троицы, Логос, он есть солнце правды (Мал. 4 : 2), истинный свет (Иоан. 1 : 9), свет вечный, невечерний (Апок. 21 : 23; 22 : 5); 4) носители слова Божьего. Истинная церковь в Откровении Иоанна Богослова изображается женой, облеченной в солнце, и под ногами ее луна (Апок. 12 : 1). В Священном Писании с луной величественно сравнивается церковь, так как она заимствует свой блеск и сияние от Солнца правды – Христа. «Кто это блистающая, как заря, прекрасная, как луна, светлая, как солнце, грозная, как полки со знаменами?» – говорит таинственный жених о своей возлюбленной (Песн. 6 : 10).

И. Галятовский произвольно называет Петра и Павла *солнцем* и *луной*, хотя их традиционные символы – *светильники* (Апок. 11 : 4). Однако проповедник мотивирует новые символические значения иным контекстом, книгой Бытия, где рассказывается о сотворении Богом двух светил – солнца и луны (Быт. 1 : 6).

Далее автор поясняет, почему же именно Петр – *солнце*, а Павел – *луна*. Апостол Петр $\alpha\tau\tau\epsilon\sigma$ $\alpha\upsilon\tau\omicron\upsilon\sigma$ $\alpha\iota\theta\eta\sigma$ $\alpha\delta\epsilon\iota\tau\eta\sigma$ $\pi\alpha\tau\epsilon\rho\sigma$ $\pi\alpha\epsilon\delta\epsilon\epsilon\upsilon\sigma$, $\iota\delta\iota\tau\eta\sigma$ $\alpha\alpha\alpha\epsilon$ $\omicron\alpha\theta\alpha\epsilon\alpha\omega\iota$ υ , $\epsilon\iota\delta\iota\delta\upsilon\epsilon$ $\eta\upsilon$ $\alpha\iota\alpha\iota$ υ $\iota\alpha\varsigma\upsilon\alpha\alpha\rho\theta\upsilon$. А почему они себя днем называют? Потому что $\alpha\epsilon\alpha\alpha\epsilon\epsilon$ $\iota\delta\alpha\alpha\alpha\epsilon\alpha\iota\omega$ $\alpha\alpha\theta$ (Пс. 75 : 2). Апостол Павел $\alpha\iota\theta\eta\sigma$ $\pi\alpha\tau\epsilon\rho\sigma$, $\iota\delta\iota\tau\eta\sigma$ $\alpha\alpha\alpha\epsilon$ $\omicron\alpha\theta\alpha\epsilon\alpha\omega\iota$ υ , $\epsilon\iota\delta\iota\delta\upsilon\epsilon$ $\eta\upsilon$ $\iota\alpha\varsigma\upsilon\alpha\alpha\rho\theta$ $\iota\tau\epsilon\upsilon$. А почему они себя ночью называют? Потому что $\iota\alpha$ $\varsigma\iota\alpha\epsilon\epsilon$ $\iota\delta\alpha\alpha\alpha\epsilon\alpha\iota\omega$ $\alpha\alpha\theta$ α $\alpha\upsilon\epsilon\epsilon$ $\iota\tau\epsilon\delta\upsilon\delta\upsilon$ $\delta\alpha\iota$ $\iota\tau\eta\sigma$ ϵ $\iota\alpha\alpha\epsilon\delta\eta\delta\alpha$. Смерть Петра и Павла автор сравнивает с затмением солнца и луны: $\eta\epsilon\theta\alpha$ $\varsigma\alpha\delta\iota$ $\epsilon\epsilon\eta\eta\upsilon$, $\upsilon\iota$ $\theta\epsilon\upsilon$ $\alpha\iota\sigma\upsilon$ $\iota\alpha\delta\delta\upsilon$ $\varsigma\alpha$ $\omicron\alpha\theta\tau$ $\iota\alpha\delta\omega\iota\alpha$... $\iota\theta\epsilon\iota$ $\varsigma\alpha\delta\iota$ $\epsilon\epsilon\eta\eta\upsilon$, $\alpha\iota\sigma\upsilon$ $\iota\alpha$ $\alpha\alpha\epsilon\upsilon$ $\upsilon\iota$ $\alpha\delta\upsilon$ $\varsigma\alpha$ $\omicron\alpha\theta$

Как видим, образ луны по отношению к апостолу Павлу является вторичным. Луна символизирует церковь, а с переменами фаз луны у Галятовского сравнивается человеческая жизнь, сам человек. Выбор этого символа можно объяснить, скорее, ассоциативно: после солнца второе, меньшее светило – это луна, и она рассеивает тьму. Тьма –

символ язычества (устойчивые сочетания: тьма идолопоклонства, тьма невежества).

Петр и Павел – *две скрижали*. В Библии говорится, что на двух скрижалях, или на двух каменных досках, были написаны десять заповедей в знак того, что в них заключено два рода любви – к Богу и к ближнему (Исх. 32 : 15–16; 34 : 1). Верховные апостолы названы так потому, что у них на *сердцах*, как на *скрижалях*, написаны заповеди Божьи: ι $\alpha\rho\theta\upsilon$ $\iota\alpha$ $\eta\delta\delta\alpha\theta\upsilon$ $\eta\alpha\iota$ $\epsilon\delta\upsilon$ $\iota\alpha\iota$ $\epsilon\eta\lambda\iota\tau\alpha$ $\alpha\alpha\eta\upsilon\delta\alpha\delta\iota$ $\iota\delta\epsilon\epsilon\alpha\varsigma\alpha\iota\alpha$ $\alpha\epsilon\theta\alpha$.

Петр и Павел – *два золотых херувима*. Употребление символа мотивировано Библией, книгой Исход, где говорится о Ковчеге Завета и двух золотых херувимах на его крышке (Исх. 25 : 18–20). В Священном Писании слово *херувимы* встречается часто. Так называются умные силы, особо приближенные к Богу [Библейская энциклопедия, 1991. С. 748]. Господь представляется восседающим на херувимах (Апок. 4 : 6–9; 5 : 11, 14). Выбор этого слова как символа апостолов не случаен: в нем отражена, во-первых, идея близости к Богу (ϵ $\alpha\upsilon$ $\eta\delta\delta\alpha$ $\alpha\alpha\delta\delta\iota$ $\alpha\iota$ $\upsilon\theta\upsilon$ $\alpha\iota$ $\epsilon\upsilon$ ι $\alpha\delta\delta\alpha$ ϵ ι $\alpha\alpha\epsilon\alpha$ $\alpha\alpha\theta$ $\omega\delta\iota$ $\epsilon\epsilon\alpha\alpha\delta\upsilon$), во-вторых, идея заступничества за людей перед Богом: ι $\delta\alpha\alpha\delta\alpha\delta\alpha\epsilon\eta\delta\alpha\iota$ υ $\eta\alpha\iota$ $\epsilon\iota$ υ , $\upsilon\epsilon\iota$ $\epsilon\delta\upsilon\epsilon\alpha\iota$ ϵ , $\iota\tau\epsilon\delta\upsilon\alpha\alpha\rho\theta\upsilon$ $\epsilon\iota$ $\alpha\epsilon\delta\omega$ $\epsilon\theta\alpha$ $\alpha\alpha\delta\iota$ $\iota\omega$ ϵ $\iota\tau\alpha\iota$ $\alpha\epsilon\iota\tau\omega$. И как херувимы на Ковчеге Завета обращены лицами друг к другу и смотрят на ковчег, так и Петр и Павел обращены лицами друг к другу (это отражено в иконографии) и смотрят на церковь, т. е. на христиан.

Петр и Павел – *две серебряные трубы*. Слово *труба* часто встречается в Библии, имеет разные символические значения. По отношению к апостолам символ *две серебряные трубы* объясняется по книге Числа (Числ. 10 : 1–10); признак, положенный в основу сопоставления, – призвание людей к добрым делам.

Петр и Павел – *два медных столпа*. Традиционно апостолов называют столпами (опорой) церкви, а Галятовский называет их *двумя медными столпами*, стоящими в притворе храма Соломона. Изображение этих прекрасных столпов дано в Третьей книге Царств (3 Цар. 7 : 15–22); правый столп назывался Иахин (евр. ‘он утвердил’), левый – Воаз (евр. ‘сила’) $\eta\delta\iota\epsilon\iota\upsilon$ ι $\epsilon\alpha\upsilon\gamma\iota\upsilon\epsilon$ $\varsigma\iota\iota\alpha$ $\epsilon\delta\upsilon$ $\eta\delta\alpha\delta\alpha$ $\epsilon\iota\tau\eta\delta\upsilon$, $\alpha\iota$ $\eta\delta\upsilon$ $\iota\alpha\iota$ $\iota\delta\omega\sigma\alpha\iota$ $\upsilon\epsilon$ ϵ $\iota\alpha\iota$ $\iota\epsilon\iota\epsilon\epsilon\alpha\epsilon\iota$ $\upsilon\epsilon$, ϵ $\alpha\alpha\delta\omega\omega\alpha\iota$ $\upsilon\epsilon$ $\alpha\iota$ $\theta\epsilon$

Толкование на Апокалипсис Святого Андрея, архиепископа Кесарийского. М.: Правило веры, 2008. 272 с.

Толковая Библия, или комментарии на все книги Священного Писания Ветхого и

Нового Завета / Под ред. А. П. Лопухина. М.: ДАРЪ, 2007. Т. 1. 1224 с.; Т. 2. 1296 с.

Галятовский И. Ключ разума. Киев, 1659–1660.

Материал поступил в редколлегию 05.06.2014

T. L. Zavorina

*Novosibirsk State University
2 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

t_z70@mail.ru

**TRANSFORMATION OF THE SYMBOLIC IMAGE IN THE ARTISTIC SPACE OF THE TEXT
(FOR EXAMPLE SERMONS OF IOANNIKY GALYATOVSKY
ON THE FEASTDAY OF THE HOLY APOSTLES PETER AND PAUL)**

The process of secularization and the development of the Baroque style introduced a number of changes into the system of symbols of Old Church Slavonic. The reasons for these changes and their nature still need to be explored. The Sermons on the Feastday of the Holy Apostles Peter and Paul, included in the *Key to Understanding*, a collection of sermons by Ioanniky Galyatovsky (Kiev, 1659–1660), are analyzed from this perspective. One of the editions of the collection is kept in the Department of Rare Books and Manuscripts of the State Public Scientific and Technical Library (Novosibirsk). Despite the fact that Ioanniky Galyatovsky was one of the brightest and most talented southern Russian preachers of the seventeenth century, his literary heritage has yet remained understudied.

Sermons were chosen as the focus of the study, because secularization primarily touched upon the oral genres of Old Church Slavonic, the most important of which were sermons directly addressed to the listener. Remaining religious in content and functioning, the sermon received new forms of expression and new imagery, borrowed from the Baroque, which reflected the author's position in respect to the described events or phenomena. Moreover, the language of preaching became closely linked with the popular spoken language.

The study views the problem of the «status» of the symbol as the main means of expressing a Baroque text, and the loss of the «ideal» component of the symbol. For the Baroque author the expressive value of symbol, its «semantic expansibility», and its capacity to evoke associations became more important than tradition. The study also discusses the process of symbol disintegration into individual semantic series, and symbol renovation through metaphorical comparison and contrast, as well as formation of a symbolic and metaphorical picture of the Baroque world.

Allegorical amplification as a new creative way of working with the text defines the new relationship of the author and the text as an object of discursive analysis. Following this method, the writers and preachers of the Baroque would break the Scripture into a series of allegory-fragments, and engage in their interpretation. The question is which methods and narrative sources were used by the Baroque writers who tried to fire the imagination of the listener, and why traditional symbols were «drowning» in the semantic improvisations of the author.

The process of secularization caused an increased interest in everything new and unusual, attention to secondary, unsubstantial details, features, and values, and the desire to explain the symbolic meaning on the basis of the actual properties of the object. We may conclude that all such metamorphoses lead to a symbol's loss of sublimity, ideality, and the traditional brevity of imagery. The emergence of so-called «original symbols» indicates that any word which occurred in the Scripture at least once and which had a figurative component in its semantics might become a symbol.

Keywords: Church Slavonic, sermon, amplification, symbol, literary image, metaphor.